

БОЛЬШОЙ БАЛЕТ

LYANE
GUILLAUME

*Moi,
Tamara Karsavina*

THE LIFE AND DESTINY OF A STAR
OF THE RUSSIAN BALLETS

ЛИАН
ГИЙОМ

и,
Тамара Карсавина

ЖИЗНЬ И СУДЬБА
ЗВЕЗДЫ РУССКОГО БАЛЕТА

Издательство АСТ
Москва, 2022

*Посвящается Оливье,
моим родителям,
всем моим партнерам и партнершам,
научившим меня танцевать и любить танец*

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕЛТАЯ ТЕТРАДЬ	9
Зеркало, о мое зеркало...	11
«Париж, опьяненный Россией»	16
«Бездушные предметы, есть у вас душа?»	23
От «Мира искусства» к «Русским балетам»	30
Розовая шкатулка и золотые карандаши	34
Как я удрала в Лондон	41
«Друзья мои, что с вами случилось?»	46
Павлова	57
Швепс, шерри и Павлова	63
«Дайте мне голубой ветчины!»	73
Авангардисты	86
Baked beans и jelly	97
Лев Карсавин, любимый брат мой	100
Стравинский — «Пикассо в музыке»	108
Триумф «Жар-птицы»	118
Абсолютно искренне	127
КРАСНАЯ ТЕТРАДЬ	129
На берегу	131
Я могла бы стать королевой Татарстана и быть избитой	134
Как «Русские балеты» покорили пуританскую Америку	139
Балерина и старые господа	144
Нижинский тайком женится	153
Адольф Больм	156
Итифаллический фавн	165
«Резня священная»	170

«Чем быстрее вертится Земля, тем она ближе к смерти».....	175
«Опустошительный вихрь безумия»	181
Последний танец.....	191
Парижская осень.....	196
Философский пароход.....	202
В волчьей пасти.....	210
Поэма смерти.....	215
Гнев и печаль.....	224
Как я вышла замуж за Василия Мухина	226
«Бродячая собака».....	234
Но при этом он так плохо танцевал.....	239
Букет для Тамары	251
Питер в бурю	262
Чем так шокировал «Парад».....	273
Ариетта Моцарта.....	279

СЕРАЯ ТЕТРАДЬ	281
Развязка личной драмы	283
Выбор изгнания.....	288
Из ада — в райские кущи.....	294
Хожение по мукам	298
Золотая клетка.....	303
Людвиг.....	312
От дивы Карсавиной — к мадам Карсавиной	330
Пора разлук	340
Дом на Альберт-Роуд	346
Лопши Кейнс, гениальная невинность	351
Моя балетная студия на Бейкер-стрит.....	361
История повторяется	367
Записать танец.....	376
Скорбные годы.....	385
Верные друзья	389
Рудольф Нуреев и Марго Фонтейн: пара-миф	393
Девочка с розой.....	399

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА	410
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	411

*Летуч и легок балерины шаг,
Но отчего ж так беспокоен взор?
Туда, туда, где чаянье всех благ,
Зовет нас ног ее божественный узор.*

*Там ждет нас, среди пальм и белых роз,
Любви виденье, не испытанной никем,
Чтоб унести нас из юдоли слез,
Чтоб обрести утраченный Эдем!*

Жан-Луи ВОДУАЙЕ
(о Тамаре Карсавиной)

Желтая
ТЕТРАДЬ

ЗЕРКАЛО, О МОЕ ЗЕРКАЛО...

Биконсфилд, 28 февраля 1969

Я уродина.
Старая уродина.
Как давно я не сидела вот так, за туалетным столиком, не шелохнувшись, сосредоточенно изучая свое отражение в зеркале, заставляя себя вглядываться в него. И вот — случайно найденная статья из старой газеты, два пожелтевших листочка, выскользнувшие из какой-то книги, — я так жадно прочла их...

В те годы, когда я перед выходом на сцену по несколько часов гримировалась, зеркало говорило мне: «Ты красива, очень красива, и ты еще долго будешь так же хороша».

Долго. Как много воды утекло с тех пор. А сейчас 1969-й, мне вот-вот стукнет восемьдесят четыре, и зеркало безжалостно подтверждает: ничего не остается от «дивы Карсавиной», божественной, пылкой, византийской мадонны — той, что кому-то казалась «нежно изогнувшимся цветком»... Откуда он, этот вдохновенный пассаж?.. Ах да! Дебюсси. И Морис Палеолог, в те времена французский посол в России, — это он написал обо мне в своих мемуарах как об «идеале языческой чистоты, и чувственной и целомудренной!» О несравненном очаровании Тамары Карсавиной в 1910 году писали и в газете «Фигаро»: о ее улыбке, грациозности, пластичности — о том, как все в ней ослепительно. И даже больше: «Нимфа снов золотых... Создание с крыльями из газовой ткани».

Я, чью красоту так громко славил в Париже, Санкт-Петербурге, Москве, Праге, Киеве, Монте-Карло, Риме, Лондоне, Берлине, Дублине, Брюсселе, Гамбурге, Копенгагене, Вене, Хельсинки, Таллине, Стокгольме, Нью-Йорке, Буэнос-Айресе, Рио, Монтевидео... я стала такой старой и невыносимо уродливой.

Впору испугаться.

Вчера на лестнице приюта для стариков, где я теперь живу, я встретила консьержа; он вел за руку дочурку лет пяти-шести. Едва заметив меня, малышка навзрыд расплакалась.

— Почему ты плачешь? — спросил отец. — Ведь это такая любезная дама...

— Нет! Она ведьма!

Я, танцевавшая фей и одалисок, эльфов, принцесс, нимф, ундин, наяд и сильфид, — ведьма. А коль уж выгляжу ведьмой, то поневоле пугаю детей.

Время, тем паче прошедшее, дает жестокий урок.

Тут я вдруг понимаю, что расхохоталась (насмешка лучше отчаяния), и зеркало сразу отражает и мои ввалившиеся щеки, и морщинистую кожу. Двойной подбородок подрагивает над почти незаметной шеей. «Шея у вас длинная и тонкая, но при этом крепкая, — говаривал мне художник Жак-Эмиль Бланш, когда я позировала ему в ателье в Пасси. — Какой восхитительный контраст с нежностью черт вашего лица». А Кокто и вовсе переусердствовал: «Руки и плечи ваши вылеплены как у античной статуи».

А взгляд... где они теперь, мои «алмазные глаза» и улыбка, исполненная «жесточкой нежности»? «Когда эти темные ирисы, — писал искусствовед Робер Брюссель, — распахиваются посреди смертельной бледности лица, — сколь дивны исходящие от нее флюиды поэзии и грации!» Глаза впали, утонув в глубоких морщинах; веко неумолимо нависло над помутившимся глазом, влажным как устрица, и взгляд потух.

О старость — какой урок смирения!

И я хохочу еще веселей.

Когда я была ребенком, в нашем доме часто раздавался смех. Чаще всего смеялись над собою. Нас учили всерьез относиться к серьезным вещам, но не воспринимать всерьез самих себя. Бывало, что насмехались и над другими — чуть-чуть, но всегда беззлобно. Мой отец Платон Карсавин ушел с должности учителя танцев, уступив ее долго и некрасиво интриговавшему за его спиной Мариусу Петипа — всеильному мэтру французского балета, который царствовал тогда в императорской школе танцев в Санкт-Петербурге, где я исполнила свои первые па. Мой брат Лев построил свою репутацию философа на едкой иронии и язвительном чувстве юмора, которым так и не изменил, — это и привело его к гибели.

И вот я смеюсь над собою, над своей старостью, своим безобразием.

И все из-за газетной статейки — двух пожелтевших, осыпавшихся по краям листочков с выцветшими буквами. Забытые между страницами одной из книг в моей библиотеке, они были найдены случайно. Я прочитала их и невольно бросилась к туалетному столику, к эллипсообразному зеркалу, когда-то обещавшему мне так много.

Вырванный из номера «Светского сплетника», давно закрывшейся жалкой газетенки, этот текст без авторства, озаглавленный «Париж, опьяненный Россией» и датированный 1909 годом, был написан типичным для *Belle Époque* выспренним и жеманным языком, а завершался абзацем столь пафосным, что не мог не вызвать улыбку. Бурлеск!

И наконец, ослепительная в красном платье, — этот цвет так любил Тьеполо, — к тому же и по последней моде сшитом, в тюрбане с аметистом, появляется королева дня, балерина наших снов, звезда Русских сезонов — Тамара Карсавина, чистейший бриллиант в окружении своих обожателей, околдованных ее византийским, загадочным и строгим взором... Добродетельная гетера, алмея

Севера, незабвенная Сильфида — ОНА, о Карсавина, высшее воплощение Вечной Женственности, отныне сияет на небосводе среди звезд!

Влекомая к зеркалу точно магнитом, я конечно же не бросилась, а поковыляла к туалетному столику. Немного вперевалку — из-за одряхлевших бедер и полноты, с каждым годом доставляющей все больше неудобств. Оказавшись лицом к лицу с самой собою, я поймала себя на том, что рукой тереблю дряблый отвисший кармашек под подбородком, кручу прядь реденьких волос, завитых в смешные белые букли, — сквозь широкие проборы видна восковая бледность лысины. Сидела и всматривалась в эти поплывшие черты в поисках хоть одного, пусть даже самого несчастного следа той самой «Вечной Женственности». Тщетно. В мозгу снова застучали слова дочери охранника, невинного дитятки, хотя не стоило бы придавать им такого значения: «Она ведьма!»

Женщина, ставшая старой и безобразной, перестает быть женщиной. И я снова смеюсь, охваченная острым, почти освобождающим чувством, что отныне я — существо особенное, бесполое, немножко ужасающее, немножко жалкое, но пронизательное до беспощадности — и тем более сильное, что предчувствую близкий конец. И я подумала: да, так и есть — скоро «Вечная Женственность» воссияет на небосводе среди других звезд.

Хватит черного юмора. Оторвавшись от своего отражения, я опустила взор на страницы, которые все еще держала в руке (слава богу, еще не дрожащей) и перечитала статейку — на сей раз медленно, полностью проникаясь ритмом фраз и магией имен.

Гул множества голосов, шуршание тканей, звон хрусталя, женские духи (Герлэн, Роже и Галле?), сквозь которые упрямо пробивался запах сирени; кислый привкус цитрусового сорбетто, тающего на языке... так, несвязными обра-

зами, воскресали во мне подробности вечеринки, устроенной дамой, что вдохновляла Пруста на «Поиски утраченного времени», а статья из «Светского сплетника» служила мне кусочком печенья «мадлен».

Июнь 1909-го. Конец наших парижских гастролей, как раз перед отъездом в Лондон. Наверное, число 10-е или, может быть, 15-е. Я всячески старалась быть на высоте, поскольку на предыдущем приеме в отеле «Крийон» графиня Греффюль, дававшая прием в честь нашего приезда, упрекнула нас в «очень провинциальных манерах». Однако увидев наши репетиции, она, переполненная воодушевлением, подтвердила, что окажет труппе покровительство. Мы счастливо отделились! Любезности, которыми осыпала нас эта высокородная дама, повергли меня в такое смущение, что я едва смогла пролепетать еле слышные слова благодарности.

Ни худенькая, ни полненькая, слегка неуклюжая, с румянцем на щеках «цвета, столь любимого Тъеполо» (так снобы называют вишневым оттенком красного), в платье из креп-жоржета. Круглое лицо мое ловко обвязано простым лиловым платочком, черные треугольники бровей, невинный взгляд... Такой я снова вижу себя на той вечеринке на улице д'Асторг. Добродетельная — да. Гетера — вот уж нет. Каким далеким и недостижимым казался мне тогда идеал роковой женщины, апогей роскоши и красоты!

Мне было двадцать четыре, и хотя я неплохо говорила по-французски и немножечко по-английски, мой русский акцент, когда слова, произнесенные на языке Мольера, «словно разрезают ножом», вызывал вокруг меня растроганные улыбки.

Вот так все и началось там, в Париже, весной 1909-го: приключения Русских сезонов и эта жизнь, беспорядочная, горестная и колдовская. Удивительная жизнь, пролетевшая так стремительно: моя жизнь.